

Индекс УДК 81'272:314(571.1/5)

Код ГРНТИ 16.21.27

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-122-03-44-53

**Т.Г. БОРГОЯКОВА,
А.В. ГУСЕЙНОВА***

Этноязыковая политика и социолингвистическая вариативность языкового сдвига (на примере Республики Хакасия)

Бинаправленность этноязыковой политики Республики Хакасия состоит в обеспечении полноценной коммуникации на русском как общегосударственном языке Российской Федерации и частичном удовлетворении потребности этноязыковой идентичности для титульного хакасского этноса. Этноязыковая идентичность хакасов остаётся стабильно высокой, проявляясь в заметной доле признающих его родным и в относительной активности использования в интернет-пространстве. Институциональная поддержка способствовала повышению престижности и символической значимости хакасского языка. Языковой сдвиг, представленный в хронологии его статистической экспликации, выдвигает на повестку дня неотложные задачи, связанные с необходимостью концептуальной и практической корректировки усилий по его остановке с учётом вариативности носителей и недостаточности присутствия в социальном пространстве региона. Выявлена очевидная необходимость привлечения к обсуждению перспектив витальности хакасского языка более широкого круга субъектов языковой политики и корректировки государственной программы сохранения и развития хакасского языка на период с 2022 до 2029 г.

Ключевые слова: этноязыковая политика, языковой сдвиг, хакасский язык, социолингвистическая вариативность, языковой пуризм

Концептуальные основы этноязыковой политики определяются соотношением языковых и национальных отношений как категорий части и целого — языковые отношения выражают природу целого в силу того,

что язык является одной из главных характеристик национальной общности [8].

Введение

В дефиниции языковой политики полностью или частично включаются такие

* **Боргоякова Тамара Герасимовна** — доктор филологических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, руководитель проекта «Динамика и перспективы языкового взаимодействия в республиках Южной Сибири» (20-012-00426).

E-mail: tamarabee@mail.ru

Гусейнова Аурика Вагифовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, исполнитель того же проекта.

E-mail: aurika_guseynova@mail.ru

компоненты, как: а) преднамеренность усилий по влиянию на функции и использование языков; б) субъектность языковой политики в лице государственных организаций, общественных объединений и иных акторов; в) обусловленность социально-политической и культурной динамикой; г) национальное (общегосударственное) единство, языковое разнообразие и (или) защита языков меньшинств (см. [8, 9] и др.).

Последнее соотносится с понятием лингвистической справедливости в контексте этических и политических дилемм, актуализированных угрозами витальности миноритарных языков. Ядро дискуссий о (не)справедливости этноязыковой политики составляет дихотомия отрицания/признания ценностей идентичности [12]. Представители первого (non-identity) подхода считают, что языковая справедливость заключается в возможности коммуникации на одном языке, достаточной для достижения ценностных задач, которые язык ставит перед людьми. Такой логики придерживаются и теоретики лингвистической справедливости, защищающие первостепенную значимость английского языка (особенно его родных вариантов (English as a native language) как глобального инструмента коммуникации [15].

Однако установление одного национального (общегосударственного) языка обычно происходило одновременно с карательными мерами по отношению к другим языкам, которые рассматривались как угроза единству государства, что приводило к угрозам витальности миноритарных языков, сохраняющих ценности идентичности и лояльности для их носителей [14].

Вопросы смягчения или устранения лингвистически обусловленного социального неравенства сохраняют актуальность в исследованиях по теории и практике этноязыковой политики. Учёные утверждают, что язык, помимо своей несомненной прагматической ценности,

имеет ценность для поддержки и продвижения идентичности. К двум основным ценностям идентичности, вытекающим из языка, относятся автономия и достоинство. Первая включает понимание того, что каждый язык содержит уникальный опыт когнитивного и эмоционального освоения мира [11, с. 10]. Вторая связана с пониманием возможности общаться на родном языке как признанием достоинства и статуса говорящих в качестве равноправных членов общества [13, с. 6]. Свобода самовыражения ограничивается и обеспечивается используемым языком, в котором оформлены и обусловлены большинство выразительных (экспрессивных) действий. Они не только эксплицитный инструмент коммуникации, но и способ выразить себя по-своему, своим собственным голосом, как равный. Если это невозможно (т.е. не поощряется, запрещается и т.д.), то это не просто ограничение, а также индикатор того, что есть способы самовыражения, которые не заслуживают равного статуса (достоинства) по отношению к другим [12].

Например, если рассмотреть ситуацию в России, то коммуникация на доминантном русском языке обеспечивает всем её народам эффективность и равные возможности для общения в масштабах всего государства, но она не может выразить их автономию и достоинство как представителей своего этноса.

Следует отметить, что формирование «безопасной и уверенной идентичности» входит в число ожидаемых результатов глобального плана Декады языков коренных народов¹. К намеченным результатам также относится увеличение количества носителей через расширение сфер использования их языков [там же]. План мероприятий по проведению в РФ Международного десятилетия языков коренных народов, утверждённый распоряжением Правительства РФ в 2022 г., содержит рекомендацию по разработке и утверждению соответствующих

¹ Global action plan of the International decade of Indigenous languages (2022–2032) // <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000383844>.

региональных планов [9]. Данный документ, как и существующий блок законодательных и нормативно-правовых документов как федерального, так и регионального уровней, несомненно, позволяет отнести этноязыковую политику РФ к разряду позитивной. Её базовые положения содержат бинаправленность усилий по обеспечению справедливой языковой политики через поддержку многоязычия её народов в условиях существующего доминирования русского языка как государственного языка федерального уровня. Результаты реализации задач этноязыковой политики в республиках имеют общие черты и специфику, которые включают как позитивные стороны, так и проблемные вопросы. Последнее связано, прежде всего, с продолжающимися процессами языкового сдвига, в разной степени характерными для всех языков народов России, кроме русского языка.

Цель нашей работы — изучение особенностей этноязыковой политики и необходимости корректировки стратегий укрепления витальности хакасского языка в условиях продолжающегося языкового сдвига. Поставленная цель определила задачи исследования:

- рассмотреть динамику языковой лояльности и языкового поведения хакасов с опорой на данные переписей и социолингвистических опросов с привлечением параллелей с соседними республиками;
- выявить социолингвистическую вариативность языкового сдвига, представленную разными категориями носителей хакасского языка с точки зрения уровней их языковых компетенций;
- рассмотреть динамику и содержание отношения к новым носителям языка в плане пуристических и компромиссных подходов;
- определить приоритетные направления работы в сфере лингвистической экологии языкового сдвига.

Актуальность исследования связана с контрастно противоречивым характером развития этноязыковой ситуации в Республике Хакасия (далее — РХ). Контраст заклю-

чается в продолжающемся сокращении количества говорящих на хакасском языке как первом (Я1) и родном языке титульного этноса республики при заметном усилении позитивного внимания к нему со стороны власти и других субъектов языковой политики. Для определения стратегий и механизмов остановки языкового сдвига необходимы уточнение целей языковой ревитализации и поиск более адекватных стратегий и механизмов с учётом динамики социального контекста и вариативности языковых компетенций разных категорий носителей хакасского языка.

Динамика языковой лояльности и языкового поведения хакасов

Для анализа особенностей реализации этноязыковой политики в РХ в контексте языкового сдвига необходимо обратиться к данным последней Всероссийской переписи населения (ВПН) 2020 г., рассмотрев их на фоне результатов предыдущих переписей населения и социолингвистических опросов с привлечением данных по республикам Южной Сибири (далее — РЮС).

Как видно из приведённой таблицы, среди почти 99% хакасов, указавших родной язык, почти 75% отнесли к нему свой этнический язык. Это достаточно высокий показатель этнолингвистической самоидентификации, немного превышающий показатель 1994 г. (73,3%), который, несомненно, следует учитывать при оценке перспектив витальности хакасского языка, принимая во внимание и то, что он ниже средних показателей по РЮС на 11%.

Доля указавших владение хакасским языком как родным продолжает сокращаться, составив лишь немногим более 44%, что на 14% ниже данных переписи 2010 г. (58%) и на 23% меньше средних показателей по РЮС. В связи с вопросом переписей населения о владении языком интерес представляет определение этого понятия, предложенное в Концепции государственной языковой политики РФ, утверждённой в июне 2024 г.: «носитель языка — человек, владеющий данным язы-

Таблица

Этноязыковая характеристика хакасов по данным ВПН 2020¹

Из числа опрошенных	Хакасы (%)	В среднем по РЮС (%)
Указали национальную принадлежность	100% (61,365 чел.)	100
Указали родной язык	98,68	98
Указали родным язык своего этноса	74,60	86
Указали родным русский язык	23,94	12
Указали владение языками	99,48	98
Владеют языком своего этноса	44,33	67
Владеют русским языком	98,44	95

ком, т.е. обладающий способностью говорить на данном языке и (или) понимать смысл сказанного на нём»². Предложенная трактовка включает как активный вид речевой деятельности (говорение), так и его пассивный вид (понимание) с допущением наличия только второго. В этом есть несомненный смысл: многие полагают, что владение языком означает обязательное владение навыком говорения, поэтому при наличии только навыка понимания относят себя к категории невладеющих языком. Однако практический опыт лиц, заговоривших на языке своего этноса не естественным образом дома в семье, а позднее, показывает, что наличие навыка пассивного понимания смысла сказанного содержит существенный и надёжный потенциал для более быстрого овладения и навыком говорения по сравнению с классическими монолингвами. Поэтому можно сказать, что данные о доле владеющих языком своего этноса из числа опрошенных в ходе переписи хакасов не являются точными, хотя отражают реальное положение дел с точки зрения безусловного прогрессирования языкового сдвига, под которым понимается процесс перехода на другой язык с утратой родного языка или с его переходом в пассивную часть билингвизма (см. об этом [3, с. 24]).

Кроме того, исследование особенностей языковой ситуации в республиках Южной Сибири в рамках научного проекта «Динамика и перспективы взаимодействия языков в республиках Южной Сибири» (проект РФФИ) позволило установить, что свободное владение родным языком (хотя бы на уровне понимания) декларирует меньшее число респондентов, чем тех, кто использует его для общения в семье. Возьмём, к примеру, наименее компетентную в родном языке группу населения – городскую молодёжь (17–30 лет). Среди молодых абаканцев только 39,6% указали, что свободно понимают по-хакасски, и только 20,7% – что свободно говорят. При этом общаются с родителями на родном языке 11,3%, на родном и русском – 32% (в совокупности 43,3%). Доля использующих родной язык для общения со старшим поколением ещё выше: 20,7% опрошенных говорят с бабушками и дедушками исключительно на хакасском, 37,7% – на хакасском и русском (в совокупности 58,4%). На наш взгляд, эти расхождения в показателях свидетельствуют о значительном числе пассивных билингвов среди хакасской молодёжи (ил. 1): они не считают, что свободно владеют родным языком, однако достаточно активно используют его для внутрисемейного общения [5, с. 62–63].

¹ Всероссийская перепись населения 2020 года. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20241211003218/https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 2.06.2025).

² Концепция государственной языковой политики РФ (2024). Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409100008/?ysclid=m058eokn9r991140512> (дата обращения: 22.04.2025).

Социолингвистическая вариативность языкового сдвига в Республике Хакасия

Для уточнения приоритетов этноязыковой политики в РХ чрезвычайно важной является необходимость изучения и учёта динамики и специфики социолингвистической вариативности языкового сдвига, представленной разнообразием категорий владеющих хакасским языком, включая и новых говорящих, и пассивных билингвов. Возможно, особенно принимая во внимание критичность — ниже 50% — сокращения доли владеющих родным языком, следует понять и признать, что именно с этими социальными акторами в значительной степени связано будущее хакасского языка. Сохранение родного языка даже как второго в вариативной мозаике его носителей — это вынужденный компромисс между необходимостью удовлетворения потребности взаимопонимания на русском языке и хотя бы частичным учётом потребности этнической идентичности [1]. Пока этого не произошло, что связано и с отмеченным Э. Гренобль курсом на приоритизацию описания и документирования языков с фокусом на относительно небольших группах пожилых людей, который привёл к игнорированию более крупных речевых сообществ на ранних этапах языкового сдвига, валоризации «последних» носителей языка, поощрению языкового пуризма и обесцениванию «неполных» носителей, эритажников [6].

Важность выявления и изучения круга носителей хакасского языка в контексте экологии языкового сдвига связана с необходимостью дифференциации задач и методов обучения хакасскому языку с учётом разных групп неполных (частичных) носителей языка и новых носителей языка. Типология *неполных* носителей языка, предложенная Э. Гренобль, применима для дифференциации соответствующих групп носителей хакасского языка. Наиболее заметными в Хакасии являются группы владеющих хакасским языком на уровне второго языка (Я2), эритажники, унаследовавшие

Ил. 1. Хакасская девушка

язык в качестве языка внутрисемейного общения с разной степенью ограниченности языковых компетенций, и новые носители — взрослые, изучающие свой родной язык.

Крайне важно замечание автора о том, что отклонения в речи неполных носителей, отличающиеся от стандартного языка, «следует рассматривать не как “плохой” язык или “ошибки”, а скорее, как варианты в другой языковой системе» [там же]. Данный акцент связан с тем, что в языковых сообществах миноритарных языков новые носители часто сталкиваются с неприятием или отторжением со стороны традиционных носителей языка в связи с неполным владением им. Как отмечается в [2], подобный пуризм старших носителей языка может препятствовать усилиям по ревитализации языка.

Довольно заметная доля языкового пуризма со стороны традиционных носителей хакасского языка выявлена по итогам социолингвистического онлайн-опроса, проведённого в 2024 г. с участием 325 респондентов, в разной степени владеющих хакасским языком. В их отношении к неполным говорящим содержится ироничное пренебрежение, изначально заложенное в семантике выражения *сала хазахтар*

«немного русские», которое применялось по отношению к хакасам, стремившимся к демонстративному использованию русского языка, пренебрегая родным, в период активного хакасско-русского билингвизма в середине прошлого столетия. В настоящее время данное выражение используется реже и всё больше приобретает нейтральную коннотацию, номинируя хакасов с ограниченным уровнем владения родным языком.

В целом большинство респондентов относятся нейтрально или терпимо к языковым ошибкам на хакасском языке, считая, что пусть лучше говорят с ошибками, чем никак. Однако более трети из них отмечают наличие конфликтов по поводу правильности речи, что указывает на имеющееся напряжение между установками на «языковую чистоту» и адаптивными практиками двуязычного общения. В то же время, несмотря на убежденность в необходимости соблюдения нормативных стандартов, общей коммуникативной практикой самих хакасско-русских билингвов является переключение кодов. Так, 32,5% респондентов сообщили, что часто смешивают хакасский и русский языки в речи, а 47,4% — редко, что в итоге составляет 80% [10].

Реализация этноязыковой политики в Республике Хакасия

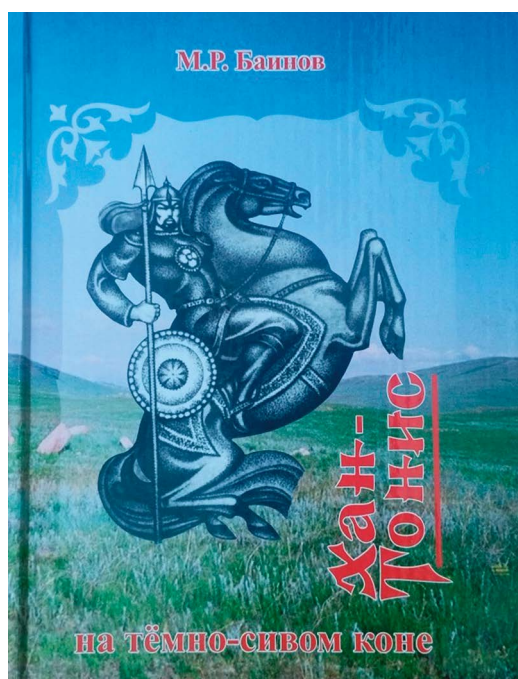
Динамика языкового законодательства РХ, качество его имплементации и выявление причин ослабления коммуникативной мощности хакасского языка являются объектом анализа и обсуждения в академическом, институциональном и массмедийном дискурсе, а также на многих дискуссионных площадках в РХ (ил. 2, 3).

Тем не менее, среди выводов, сделанных по итогам социолингвистических опросов жителей Республики Хакасия в начале 2020 г., неожиданным оказался тот факт, что спустя почти три десятилетия со времени введения государственного статуса двух языков — русского и хакасского — лишь 68% из тысячи респондентов РХ знают об этом, около трети (28,7%) убеждены, что только русский язык обладает таким статусом,

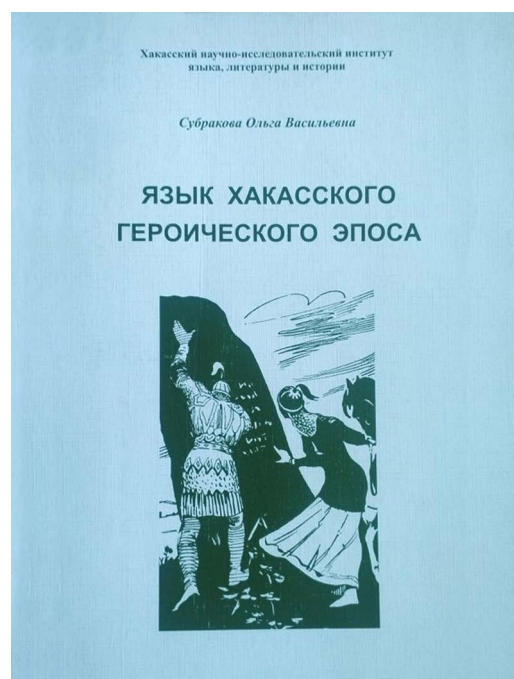
и 1,4% — что это хакасский. Заметной оказалась разница в ответах в разрезе этноязыковой идентичности: осведомленность хакасских респондентов о государственном статусе двух языков на 30% выше, чем у русских жителей, участвовавших в опросе (88% и 58% соответственно). Это, очевидно, связано с безусловным доминированием русского языка в регламентируемых социальных сферах, с одной стороны, и с сохранением негативных стереотипов по отношению к региональному миноритарному языку — с другой. Кроме того, только 63% хакасских респондентов считают, что в республике созданы условия для изучения второго государственного языка, при этом доля русских респондентов, разделяющих такое мнение, оказалась вдвое меньше [5].

Отметим, что за прошедшее пятилетие появились новые возможности для изучения хакасского языка с увеличением количества разнообразных курсов и индивидуальных проектов, которые повышают мотивацию к изучению хакасского языка. Однако практически все они являются платными и, соответственно, далеко не всем доступными. Задачи увеличения количества владеющих хакасским языком в разных категориях носителей решаются в рамках государственной программы РХ «Сохранение и развитие хакасского языка» на 2022–2029 гг. К примеру, Министерство национальной и территориальной политики РХ внедрило в практику проведение конкурсов, направленных на выявление и поощрение лучших знатоков хакасского языка среди представителей нетитульной национальности. Республиканский конкурс на лучшее знание хакасского языка проводится также среди первоклассников и пятиклассников школ РХ.

Широкие возможности общения и получения информации на миноритарном языке заинтересованные лица могут получить в национальном сегменте Интернета. К позитивным особенностям хакасского интернет-пространства следует отнести активность сообществ хакаскоязычных СМИ в самой крупной российской соцсе-

Ил. 2. Хан Тонис (эпос)

Ил. 3. Язык хакасского героического эпоса

ти «ВКонтакте»: на страницу газеты «Хакас чирі» там подписано почти пять тысяч человек (подписка на бумажную версию на данный момент составляет 1500 экземпляров), на новостную страницу «Ах тасхыл» — почти три тысячи, на страницу Хакасского радио — более тысячи. Популяризацией хакасского языка занимается не только государственный сектор, но и отдельные языковые активисты. Так, известный хакасский поэт и блогер Сергей Майнагашев (Сибдей Том) является создателем и ведущим многочисленных курсов изучения хакасского языка (как в онлайн-, так и в оффлайн-режиме), а также сайтов и каналов, на которых пропагандируется региональное двуязычие.

Хакасское сообщество активно пользуется широкими возможностями живого общения на хакасском языке в интерактивном режиме. Дискурс комментариев часто становится дискуссионной площадкой и своего рода языковым *оазисом*, где восполняется дефицит реального общения на родном языке в условиях доминирования русского языка и преимущественно дисперсного проживания хакасов. В популярных мессенджерах существуют районные, сельские и даже родовые группы

(объединяющие представителей определённого сеока — хакасского рода), где хакасский язык часто используется как основное средство общения, что расширяет его социальное пространство и укрепляет перспективы витальности (ил. 4). Об активном освоении цифрового пространства хакасским языком свидетельствует также наличие электронного корпуса хакасского языка, электронного словаря, локализованного интерфейса социальной сети «ВКонтакте», клавиатуры с режимом автодополнения, онлайн-сервиса машинного перевода на основе искусственного интеллекта.

В то же время при наличии определённых усилий по увеличению числа носителей ХЯ остаются не вполне удовлетворительными результаты работы по расширению сфер использования второго государственного языка РХ, который практически полностью отсутствует на официальных сетевых ресурсах: сайтах Правительства и Верховного Совета, государственных учреждений федерального, республиканского и муниципального уровней. Языковой ландшафт остаётся преимущественно русскоязычным, при котором англоязычный сегмент значительно превосходит хакасскую специфику, хотя есть

Ил. 4. Ансамбль «Айланьс»

и положительные изменения, связанные, прежде всего, с появлением в последние несколько лет двуязычных оформлений дорожных знаков и названий населённых пунктов. Можно сказать, что постепенно преодолевается вето на законопроект Верховного Совета РХ о развитии ландшафтно-го билингвизма в республике, наложенное бывшим Председателем Правительства РХ А.И. Лебедем на основании того, что в федеральном законодательстве отсутствуют «императивные указания» по этому вопросу (см. об этом [4, с. 36–37]).

Выводы

Таким образом, бинаправленность этноязыковой политики РХ выражается в обеспечении полноценной коммуникации на русском как общегосударственном языке

и частичном удовлетворении потребности этноязыковой идентичности титульного хакасского этноса. Отрицательная динамика доли владеющих родным хакасским языком, представленная в хронологии статистической экспликации, выносит на повестку дня неотложные задачи, связанные с концептуальной и практической корректировкой усилий по остановке языкового сдвига с учётом его социолингвистической вариативности через расширение сфер присутствия хакасского языка в реальном и виртуальном пространстве. Очевидна необходимость привлечения к обсуждению перспектив витальности хакасского языка более широкого круга субъектов языковой политики с целью корректировки государственной программы сохранения и развития хакасского языка на период до 2029 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917–2000: социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: КРАФТ; ИВ РАН, 2000.
2. Баранова В. «Какая речь может идти об акценте, если речь идёт о сохранении языка?»: отношение к неполной языковой компетенции // Антропологический форум. 2021. № 49. С. 11–29. DOI: 10.31250/1815-8870-2021-17-49-11-29.

3. Боргоякова Т.Г. Развитие социальных функций государственных тюркских языков республик Южной Сибири. М.: АДД., 2002.
4. Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2017.
5. Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В., Покоякова К.А. Языки Южной Сибири в динамике социального контекста / Отв. ред. Т.Г. Боргоякова. Абакан, 2022.
6. Гренобль Э. Социоллингвистика и языковой сдвиг: к пониманию процессов сдвига через призму носителей [Электронный ресурс] // Социоллингвистика. 2021. № 2 (6). С. 9–35. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-2-6-9-35.
7. Доровских Е.М. Правовые аспекты национально-языковой политики в Российской Федерации // Журнал российского права. 2008. № 11 (143). С. 53–69.
8. Мухарямов Н.М., Януш О.Б. Языковое устройство российского общества: факторы политической динамики / Под ред. Г.Ф. Лутфуллиной. Казань: Отечество, 2022.
9. Словарь социоллингвистических терминов / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М., 2006.
10. Распоряжение Правительства РФ № 204-р от 09.02.2022. Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/139242/> (дата обращения: 6.06.2025).
11. Borgoiakova T.G., Kirilenko S.V. Language Attitudes and Code-Switching among Khakass Bilinguals (*in press*).
12. Brando N., Morales-Gálvez S. Capabilities and Linguistic Justice. Political Studies. 2023. № 71 (3). Pp. 676–694. <https://doi.org/10.1177/00323217211033846>.
13. Codó E., Riera-Gil E. Linguistic Justice and Global English: Applied Linguistic and Political Theoretical Intersections // International Journal of the Sociology of Language. 2022. Vol. 2022, № 277. Pp. 95–119.
14. De Schutter H., Robichaud D. Van Parijsian linguistic justice – Context, analysis and critiques // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2015. 18 (2). Pp. 87–112.
15. John Baugh. Sociolinguistic evaluations of inequality // IJSL. 2020; 263: 59–66 <https://doi.org/10.1515/ijsl-2020-2083>.
16. Van Parijs P. Linguistic Justice for Europe and for the World. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Ethnic and Linguistic Policy and Sociolinguistic Variability of Language Shift (Example of Republic of Khakassia)

Tamara Gerasimovna Borgoyakova — Doctor of Philology, professor, director of the Institute of Humanitarian Studies and Sayan-Altai Turkology, Khakassian State University named after N. F. Katanov, head of the project "Dynamics and Prospects of Linguistic Interaction in Southern Siberian Republics" (20-012-00426). E-mail: tamarabee@mail.ru

Aurika Vagifovna Guseynova — Candidate of Science (Philology), senior researcher at the Institute of Humanitarian Studies and Sayan-Altai Turkology, Khakassian State University named after N. F. Katanov, executor of the same project. E-mail: aurika_guseynova@mail.ru

Binary nature of ethnic and linguistic policy in the Republic of Khakassia aims to ensure full communication in Russian as the national language of the Russian Federation and partially satisfy the need for an ethnic and linguistic identity for the titular Khakassia ethnic group. The ethnic and linguistic identity of the Khakas people remains high. There is a significant share of those who recognize Khakas as their native language. Use of the language on the Internet is also relatively active. Institutional support has helped to increase the prestige and symbolic significance of the Khakas language. The language shift, visible in its statistical dynamics, calls for ur-

gent tasks associated with the need for conceptual and practical adjustments to efforts to stop the shift, based on the diversity of native speakers and inadequate presence of Khakas in the social area of the region. The study points out an obvious need to involve more language policy entities in the discussion of the prospects of vitality of the Khakas language and adjust the state program for the preservation and development of the language in 2022-2029.

Keywords: ethnic and linguistic policy, language shift, Khakas language, sociolinguistic variability, linguistic purism

REFERENCES

1. Alpatov V.M. 150 yazykov i politika. 1917–2000: sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovet-skogo prostranstva. M.: KRAFT; IV RAN, 2000 (in Russian).
2. Baranova V. «Kakaya rech' mozhet idti ob aktsente, esli rech' idyot o sokhranении yazyka?»: ot-noshenie k nepolnoi yazykovoі kompetentsii // Antropologicheskii forum. 2021. № 49. S. 11–29. DOI: 10.31250/1815-8870-2021-17-49-11-29 (in Russian).
3. Borgoyakova T.G. Razvitie sotsial'nykh funktsii gosudarstvennykh tyurkskikh yazykov respublik Yuzhnoi Sibiri. M.: ADD., 2002 (in Russian).
4. Borgoyakova T.G., Guseinova A.V. Status i funktsionirovanie tyurkskikh yazykov Yuzhnoi Sibiri. Abakan: Izd-vo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova, 2017 (in Russian).
5. Borgoyakova T.G., Guseinova A.V., Pokoyakova K.A. Yazyki Yuzhnoi Sibiri v dinamike sotsial'no-go konteksta / Otv. red. T.G. Borgoyakova. Abakan, 2022 (in Russian).
6. Grenobl' E. Sotsiolingvistika i yazykovoі sdvig: k ponimaniyu protsessov sdviga cherez prizmu nositelei [Elektronnyi resurs] // Sotsiolingvistika. 2021. № 2 (6). S. 9–35. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-2-6-9-35 (in Russian).
7. Dorovskikh E.M. Pravovye aspekty natsional'no-yazykovoі politiki v Rossiiskoi Federatsii // Zhurnal rossiiskogo prava. 2008. № 11 (143). S. 53–69 (in Russian).
8. Mukharyamov N.M., Yanush O.B. Yazykovoі ustroystvo rossiiskogo obshchestva: faktory poli-ticheskoi dinamiki / Pod red. G.F. Lutfullinoy. Kazan': Otechestvo, 2022 (in Russian).
9. Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov / Otv. red. V.Yu. Mikhal'chenko. M., 2006 (in Russian).
10. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF № 204-r ot 09.02.2022. Rezhim dostupa: <http://government.ru/docs/all/139242/> (data obrashcheniya: 6.06.2025) (in Russian).
11. Borgoyakova T.G., Kirilenko S.V. Language Attitudes and Code-Switching among Khakass Bilin-guals (*in press*).
12. Brando N., Morales-Gálvez S. Capabilities and Linguistic Justice. Political Studies. 2023. № 71 (3). Pp. 676–694. <https://doi.org/10.1177/00323217211033846>.
13. Codó E., Riera-Gil E. Linguistic Justice and Global English: Applied Linguistic and Political Theo-retical Intersections // International Journal of the Sociology of Language. 2022. Vol. 2022, № 277. Pp. 95–119.
14. De Schutter H., Robichaud D. Van Parijsian linguistic justice – Context, analysis and critiques // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2015. 18 (2). Pp. 87–112.
15. John Baugh. Sociolinguistic evaluations of inequality // IJSL. 2020; 263: 59–66 <https://doi.org/10.1515/ijsl-2020-2083>.
16. Van Parijs P. Linguistic Justice for Europe and for the World. Oxford: Oxford University Press, 2011.